
Щенок
Содержит: нецензурную лексику, алкоголь, курение, сцены насилия, токсичные отношения, упоминание суицида.
elfs_wolcha
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Александра Запорожец

Щеночек

«Автор»
2026

Запорожец А.

Щеночек / А. Запорожец — «Автор», 2026

Он думал, что купил её долг. Она думала, что сможет уйти.Амелия Фолл не умеет просить и не умеет бояться. В двадцать пять она работает баристой, курит дешёвые сигареты и бьёт брата, когда тот в очередной раз вляпывается. У неё одно слабое место — бабушка, которая не переживёт второго инсульта. И долг в сорок семь тысяч, который она не брала.Элиас Винтер не угрожает. Он просто ждёт в своём клубе «Noir», пока люди сами придут. Когда Амелия входит и бросает на стол три тысячи, он впервые не знает, что сказать. Она не боится. Не заискивает. Смотрит как на равного и называет щенком.Он мог её сломать. Но вместо этого начинает наблюдать. Хотеть. А она — хамить, курить в его клубе и уходить, не оборачиваясь.Это не история о том, как плохой парень встречает пай девочку. Это история о двух хищниках, которые вцепились друг в друга и не могут отпустить.Она называет его щенком. А он позволяет.# 18+: мат, алкоголь, курение, насилие, токсичные отношения, попытка суицида, смерть близкого.

© Запорожец А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Александра Запорожец
Щеночек

Глава 1

Лос-Анджелес в ноябре жил как-то иначе. Будто тут становилось спокойнее, потому что уже был не сезон для туристов. Погода иногда портилась, срывались дожди, а вечерами холодало. Но даже испорченная погода не мешала посетителям заполнять кофейню «Мару». Кофейня находилась на Южной Санта-Фе-авеню, 1019, в сердце Артс-Дистрикта — района искусств и места, где запах жареного кофе мешался с запахом мокрого асфальта.

Амелия Фолл работала тут уже пятый год подряд. Бариста. Минималистичный дизайн, светлое дерево и спокойная атмосфера кофейни — это место было каким-то «слишком чистым» для той, которая повидала не самое лучшее в своей жизни. И её эта «чистота» бесила больше всего на свете. Но зарабатывать деньги нужно было хоть как-то.

Кофейня «Мару» известна своим американо с толстым слоем сладких сливок. Напиток, который Амелия больше всего ненавидела в этом заведении. Но благо, её взаимоотношения с этим приторным ужасом оставались лишь на уровне приготовления этого напитка и его отдачи гостям.

Сегодня тут было особенно шумно, что добавляло чувства раздражения девушке. Но благо её смена уже кончалась через полчаса. И пока она отдавала последние заказы, изредка нервно посматривала на телефон. Сегодня она была как-то по-особенному на взводе. Будто ей предстояло то, чего она ну никак не желала делать.

Рядом возникла хозяйка кофейни. Женщина сорока лет, в красном коротком платье. Волосы, крашенные в блонд, и вызывающий яркий макияж, что старил её только сильнее. Женщина положила на столешницу перед Амелией белый конверт. Та берёт его в руки, просматривает купюры внутри, достаёт одну номиналом в тысячу баксов и наконец сдаёт смену пришедшему напарнику.

Амелия в свои двадцать пять была ещё той головной болью для любого, кто попытается навесить на неё ярлык. Длинные красные волосы, густые и до безобразия непокорные, были собраны в небрежный хвост. Глаза — ярко-голубые, с холодным прищуром; в них ни капли страха, только вызов. Бледная кожа на лице перекрывалась россыпью веснушек на носу. Подтянутая фигура с хищной грацией; а ходит она так, будто каждый её шаг — маленькое представление. Будто на пилоне. Даже когда она просто идёт за сигаретами.

Одевается девушка вызывающе и нарочито небрежно: короткая юбка, явно сшитая из двух или трёх разных, драные колготки, грязные берцы, меховая куртка не по погоде. Если на работе Амелия выглядела сдержаннее благодаря рабочему фартуку и отсутствию макияжа, то вне работы — стрелки, тёмная помада и вид такой, будто она только что вышла из драки или идёт на неё. От неё всегда пахнет ментоловыми сигаретами, кофе и чем-то сладким — что-то из её духов, что она постоянно использовала. На пальцах — следы от сигарет и мелкие царапины. На левом запястье шрам, о происхождении которого она никому никогда не рассказывает.

А что же до её характера... Скверный. По-настоящему. Не потому что она милая девочка с «характером», именно скверная. Грубая, язвительная, резкая. Может ударить или унизить. Никого не боится. Это её бравада.

Амелия смотрит на конверт с деньгами. Ровно три тысячи долларов. И, к сожалению, которые она не сможет потратить как хочется самой. Всё потому что её брат Марк оказался полнейшим лудоманом и её главной проблемой в жизни, и девушка была вынуждена теперь выплачивать долг этого идиота, потому что тот сам не в состоянии. Парню двадцать четыре,

а мозгов как у подростка в пубертат. Ей было плевать, она даже предпочла бы не платить за него долг. Но если не делать этого, домой могут заявиться те, у кого он висит на крючке. А значит, об этом узнает бабушка.

Бабушка Марта. Ей уже было семьдесят шесть. Добрая, ласковая, воспитывает Амелию и Марка с раннего детства. И всё бы ничего, но у старушки не так давно был инсульт, когда той позвонили сообщить, что Марка исключили из университета. Доброе сердце Марты не выдержало, и та слегла в больницу. Врачи сказали прямо: следующий она не переживёт. И теперь все домашние хлопоты и содержание семьи висело на Амелии. Она делала всё ради бабули, лишь бы той не стало плохо. Вытаскивала своего брата-идиота из полиции, выплачивала все долги, покрывала перед бабулей. Но за всё это парень получал от девушки не самые мягкие поучения. Марк порой мог ходить с разбитым носом, с переломом пальцев или ещё с чем похуже. Но он терпел, потому что знал, что Амелия всё равно продолжит платить его долги, будет делать всё, чтобы бабушка не нервничала, и просто позволял избивать себя. Потому что иного выхода у него не было.

Вечерело. Лос-Анджелес ночью показывал себя уже с другой стороны. Неоновые огни, шум музыки из заведений, что потихоньку готовились к работе. И пьяные туши, что искали место для продолжения веселья или где подцепить себе пару на одну ночь.

На часах двадцать три часа сорок семь минут. Амелия была на Мелроуз-авеню, 8623, тут, в Уэст-Голливуде, была куча дорогих бутиков, аукционные дома, парочка ресторанов для местных богатеев и клуб. Самый известный в Лос-Анджелесе. Клуб «The Gilded Care» был местом для сливок общества или простого люда, что хотел хоть как-то прочувствовать на себе, что такое роскошь.

В клубе темно, как в дорогом гробу: чёрный бархат, латунь, приглушённый свет цвета виски. Музыка — низкая, тягучая, почти не слышна, но где-то внутри отзывалась своими басами. У бара несколько человек в дорогих костюмах. На танцполе двигались в такт музыке девушки в откровенных нарядах.

А где-то там, на втором ярусе клуба, там, где за тёмной дверью скрывался кабинет, сидел мужчина у окна, в кресле. Элиас Винтер — тот тип мужчины, которого замечаешь сразу, но подходить не спешишь. Высокий, широкоплечий, с хищной грацией в каждом движении. Тёмные волосы — чуть длиннее, чем положено по деловому этикету, вьются на концах, и он постоянно убирает их назад, но одна прядь всё время падала на лоб. Глаза — тёмно-серые, почти чёрные, с тяжёлым немигающим взглядом; в них читался холодный ум и что-то опасное, что он не скрывал. На шее — татуировка, уходящая под воротник рубашки: чёрная геометрия, похожая на трещины или осколки. На кистях рук тонкие линии и символы, которые он не показывает целиком. Ходит слух, под одеждой татуировок ещё больше, и каждая — не просто украшение, а часть истории, которую он не рассказывает. На правой руке старый ожог, оставленный старым прошлым. Он не скрывает его, вообще не прячет шрамы, но и не объясняет их. Одевался Элиас дорого, но без вызова: чёрные рубашки с закатанными рукавами, тёмные брюки, кожаные ботинки. На мизинце серебряное кольцо с чёрным камнем. Пахло от мужчины табаком, сандалом и чем-то ещё, что сложно определить, — возможно, опасностью.

В свои тридцать четыре этот мужчина с холодным спокойствием, помимо клуба «The Gilded Care», имел ещё и аукционный дом «Чёрный лот», где продавались не только вещи, но и судьбы. Но самое опасное в Винтере было то, что он был опасным хищником. Он умел ждать. Наблюдать. Плести сеть. И когда вы решите, что обвели его вокруг пальца, окажется, что всё это время вы шли по его сценарию.

На столе Винтера лежал конверт из чёрной бумаги. Рядом стакан с виски. Он не пьёт. Не читает. Просто смотрит в окно, будто ждёт, что город сам придёт к нему с извинениями.

Дверь открывается. Амелию заталкивают в кабинет. Но то, как нагло девушка продолжала курить сигарету прямо в клубе, выглядело так, будто это не закрытый клуб, а её собствен-

ная кухня. Меховая куртка нараспашку открывала вид на чёрный топ, который плохо скрывал пышность груди. Красные волосы были растрёпаны, колготки где-то порвались сильнее прежнего, будто она где-то зацепила гвоздь. Сигарета в зубах дымилась, даже охрана не смогла заставить девушку потушить её. Охранник, что появился за ней, делает шаг к Амелии — она даже не поворачивает головы.

— Ещё раз дотронешься — руку сломаю, — говорит она ровно, будто комментирует погоду.

Охранник замирает. Она проходит дальше, стряхивает пепел прямо на чёрный мраморный пол. Элиас не оборачивается. Но его взгляд в отражении окна уже на ней.

— Я думал, ты опоздаешь. Все, кто приходит умолять, опаздывают. Словно верят, что лишние минуты сделают их позицию сильнее.

Амелия подходит к его столу, выдвигает стул — не садиться, а ставит ногу на сиденье, опираясь локтем о колено. Смотрит на него сверху вниз. Голубые глаза — холодные как лёд.

— Я не пришла умолять. Я пришла заплатить. За Марка.

Она достаёт из кармана куртки мятый конверт и бросает его на стол рядом с чёрным конвертом Элиаса. Тот даже не смотрит на него.

— Здесь не всё.

— Здесь всё, что есть, — она наконец садится, но не напротив, а сбоку, развалившись и закинув ногу на ногу. Сигарета всё ещё в зубах. — И больше не будет. Так что либо берёшь, либо нет. Мне плевать.

Элиас медленно поворачивает голову. Тёмные глаза — как графит. Он смотрит на неё без злости. Без интереса. Как на предмет, который нужно оценить.

— Ты куришь в моём клубе.

— А ты сидишь в моём городе.

Пауза. Охранник за спиной делает движение — Элиас поднимает руку, останавливая его, не отрывая взгляда от Амелии.

— Смело. Глупо, но смело. — Он берёт белый конверт, вскрывает и пересчитывает. Медленно. Не потому что нужно — потому что знает, как это раздражает. — Марк Фолл. Двадцать четыре года. Долг — сорок семь тысяч. Ты принесла три. И предлагаешь «либо взять, либо нет».

— Именно.

Она затягивается. Выдыхает дым в его сторону. Элиас не моргает.

— Ты знаешь, что будет, если я не возьму?

— Знаю. Ты отправишь своих мальчиков ко мне домой. Они придут, постучат, что-то сломают. Может, Марку. Может, мне. — Она стряхивает пепел опять прямо на пол. — Только, щеночек, я в этом районе выросла. Меня такими вещами не напугать. Я на таких, как ты, с пяти лет смотрю.

Тишина. Не просто пауза — вакуум. Охранник за спиной перестаёт дышать. Даже музыка, кажется, становится тише. Элиас не двигается. Его лицо не меняется — ни желвака на скуле, ни сужения зрачков. Он просто смотрит. Долго. Так, как смотрят на человека, который только что перешёл черту, о существовании которой сам не знал.

Потом он медленно откидывается в кресле. Кладёт конверт на стол, почти ласково, и от этой ласковости холодеет затылок.

— Щеночек. — Он произносит это слово так, будто пробует его. Будто решает, оставить его себе или выплюнуть. — Забавно. Обычно те, кто пытается меня унизить, делают это громко. Кричат. Угрожают. А ты... — он чуть наклоняет голову, и в тёмных глазах мелькает что-то острое, как лезвие, — ты решила, что можешь потрепать меня по голове. Как собаку.

Пауза. Он смотрит на неё не мигая.

— Знаешь, что делают с теми, кто путает волка с комнатной собачкой?

— Что? — Она даже не щурится. Только стряхивает пепел — теперь демонстративно.

Элиас подаётся вперёд. Медленно. Так, что между ними возникает опасная близость. От него пахло чем-то холодным, как металл.

— Ничего, — говорит он тихо. — Потому что они не доживают до объяснений.

Он отстраняется. Берёт белый конверт. Убирает его во внутренний карман пиджака — не в сейф, не к бумагам. К себе. Ближе к телу.

— Сорок семь тысяч, — говорит он ровно, будто ничего не было. — Три из них — твои. Остальное?

Амелия смотрит на него. В её голубых глазах — ни страха, ни раскаяния. Только что-то похожее на любопытство.

— Я работаю в кофейне. Зарабатываю мало. Но плачу каждый месяц. Пока не выплачу всё.

— Это займёт годы.

— У меня есть время.

— А у меня — нет.

Она наклоняется вперёд. Теперь уже она вторгается в его пространство.

— Тогда убей меня, щеночек. Прямо сейчас. Только знай: Марк всё равно не заплатит. Не умеет. Бабушка умрёт от инфаркта, когда узнает. А ты получишь репутацию человека, который убил девчонку из-за трёх тысяч. — Она почти шепчет, но в шёпоте — сталь. — Оно тебе надо?

Элиас не отвечает. Долго. Слишком долго для человека, у которого всегда есть ответ. Потом он делает то, чего не делал за весь вечер: улыбается. Одними губами. Улыбка холодная как лёд в его стакане, но в ней — что-то новое. Что-то, от чего Амелии впервые за вечер становится не по себе.

— Щеночек, — повторяет он, будто ставя подпись под приговором. — Хорошо. Буду твоим щеночком. Пока. Увидимся через месяц, Амелия Фолл. С теми же тремя тысячами. И, — он чуть приподнимает бровь, — постарайся не называть меня так при моих людях. Они могут не понять. А я... — пауза, — я пока не решил, что с тобой делать.

Она встаёт. Поправляет куртку. Смотрит на него сверху вниз — в последний раз.

— А ты реши, щеночек. Время есть.

Она разворачивается и идёт к выходу. Элиас смотрит ей в спину. Долго. Слишком долго для человека, которому «плевать». Когда дверь закрывается, он проговаривает, ни к кому конкретно:

— Проверь, кто она. Всё. С пяти лет. — пауза. — И найди мне того, кто научил её так разговаривать. Я хочу знать, кто воспитал эту... — он подбирает слово, — проблему.

В это время там, вне клуба, дальше по улице, Амелия удалялась всё дальше от этого тёмного, по её мнению, места. Нужно было уже давно вернуться домой. Бабушка Марта оставила десять пропущенных. Коротко отписав, что она скоро будет дома, Амелия было хотела вызвать такси, как на телефон поступил звонок. Которого она точно не ждала. На дисплее высвечивалось: «Полицейский участок». Уже как чуть не вторая семья из-за того, что Марк постоянно туда попадает.

Молча прослушав голос с той стороны трубки, сбрасываю звонок. Вызываю такси, и, когда то приехало, еду на Норт-Уилкокс-авеню, 1358.

Будучи на месте, Амелия стоит и пялится на вход в участок. Не докуривает сигарету и откидывает её куда-то в сторону. Входит. На ресепшене уже даже не спрашивают, кто она, за кем, данные и прочее. Потому что тут она была как «своя».

Когда она просто ставит подпись в бланке, выходит обратно на улицу и дожидается там брата. Тот выходит через десять минут, натянув на голову капюшон худи. Сестру он не замечает. И очень зря.

Амелия резко толкает брата ногой в спину, и тот кубарем летит с бетонной лестницы вниз. Она закуривает, вальяжно спускается по лестнице к лежащему на асфальте брату. Тот даже не шелохнулся, лежал и снизу вверх смотрел на ту, что была родной кровью.

Пинок. Прямо в живот. Без предупреждения. Затягивается табачным дымом. Выдыхает. После ставит левую ногу в грязных берцах прямо на лицо Марка, вжимая его ещё сильнее в асфальт.

Кто-то из мимо проходящих сотрудников хотел вмешаться. Видимо, новенькие. Их остановили другие коллеги, зная, что лезть не стоит и тут уже не помочь.

— Я, кажется, предупреждала тебя, сопляк, — проговаривает Амелия, держа сигарету в зубах. — Ещё раз мне позвонят из участка, и я тебя изобью сильнее прежнего. Было такое?

— Прости, Амелия. Я... — парнишка не договаривает, потому что его лицо ещё сильнее вжимают в асфальт.

— Это был риторический вопрос, мудила, — она убирает ногу, но не потому, что мучения парня закончены, а для того, чтобы ещё раз пнуть того в живот. — Мало ты делов натворил, так продолжаешь куда-то вляпываться. Я устала покрывать тебя перед бабушкой. Если она узнает обо всём, то она не выдержит. — Она замолкает, но лишь чтобы опять затянуться сигаретой. — А если бабушка Марта умрёт, то я убью тебя, Марк. Потому что такой кусок дерьма, как ты, не достоин жизни.

— Прости, сестрёнка, — от слов брата Амелия скривилась.

Она присела на корточки перед братом. В последний раз затянулась и потушила сигарету о щёку Марка. Тот даже не вскрикнул. Просто вздрогнул, будто это было уже не впервые.

— Я тебе не сестрёнка, — сухо ответила красноголовая и встала. — Поднимайся. Пора домой.

В этот момент Амелия даже не подозревала, что за этой интересной сценой наблюдал сам Элиас.

У обочины стоял чёрный «Астон Мартин». Не кричащий, не блестящий — матовый. Элиас оставался в машине всё это время. Не потому, что боялся приблизиться к норе легавых. Нет. Все полицейские в городе были его шестёрками. Он просто наблюдал. Смотрел, как ведёт себя Амелия вне его кабинета. Хотел убедиться, что она такая не только с ним, что это была не игра. Наконец убедившись в том, что эта девчонка не так проста, он уезжает.

Квартира, в которой жила Амелия со своим небольшим семейством, находилась на Санта-Фе-авеню, 726, в старом кирпичном здании, которое ещё помнило времена, когда Артс-Дистрикт был просто складским районом, а не местом галерей и хипстерских кофеен. Бабушка купила эту квартиру сорок лет назад, когда здесь было дёшево и тихо. Теперь тихо не было — по ночам из соседнего лифта доносился смех, а под окнами сигналили машины. Но Амелия не жаловалась, ведь это было единственное место, которое она могла назвать домом.

Квартира всегда встречала запахом старости и табака. Не грязью — именно старостью: пыль в углах, дерево, которое помнит прошлый век, и что-то сладковатое от бабушкиных лекарств. Стены — голый кирпич, местами побеленный, местами облупившийся. Пол — тёмные деревянные доски, скрипучие, с щелями, в которые постоянно проваливаются монеты и серёжки. Потолки высокие, с открытыми трубами и старой люстрой, которая гудит, когда её включают.

Мебель тут была сборной солянкой: что-то — бабушкины дубовые буфеты и кресло с продавленным сидением, что-то было даже взято с помойки, к примеру журнальный столик, который Амелия сама притащила и придала ему нормальный вид, а что-то было из ИКЕА либо купленное по большой скидке, но явно уже не в том состоянии, чтобы долго прослужить.

Бабушка уже спала, это было понятно по закрытой двери её спальни и оставленным на кухонном столе журнальчику и очкам. Амелия за шиворот затащила брата в его комнату, ту,

что когда-то была кладовой, и заперла дверь на ключ, дабы тот не удумал сбежать и опять натворить делов. Сама же Амелия сразу направилась в свою комнату и закрылась там.

Комната девушки была чем-то очень странным. С одной стороны тут хаос, а с другой — порядок, который сама же и навела. Никто не смел заходить в её комнату без разрешения. Даже бабушка всегда стучит.

Широкая кровать была идеально заправлена, потому что Амелия не выносит, когда что-то не на своём месте. Подушка отдавала запахом ментоловых сигарет и её сладкими духами, которые она покупает только на распродаже по огромной скидке. И то она их использует в основном когда уходит в клуб. Так было экономнее. Но самое интересное было то, что лежало под ней. Коробка с «мужскими трофеями». Это могли быть зажигалки, браслеты, цепочки — в общем, смотря что отдаст на память очередной кавалер.

Так же тут был не самый примечательный стол, на котором были всего три вещи: ноутбук, сигареты и полная пепельница. Только если не считать ящик, в котором лежала страховка бабушки Марты, счета за коммуналку и расписка о долге Марка. Там же рядом стоит шкаф с вещами, разнообразие цветов которых остановилось лишь на чёрном и красном. На дверце большое зеркало, в которое она всегда смотрится перед выходом.

Самое излюбленное место в комнате Амелии — балкон. Она часто стояла на нём по ночам, смотря куда-то на горизонт.

Девушка разделась до белья. Взяла сигарету и закурила. Вышла на балкон и, опершись локтями о перила, долго, будто желая задохнуться, закурила. Она опять смотрела на ночные огни города. Слушала смех соседей. То, как водители без стыда сигналят на ночь глядя. Ей хотелось привычного уединения, которое она чувствовала только тут, на своём балконе. Но сегодня она лишь ощущала на себе что-то липкое. Будто за ней скрытно следят.

Фолл опускает взгляд. Видит внизу машину, не очень типичную для этого района. Это был тот же «Астон Мартин». Низкая, хищная, тихо ревущая. Верх машины был открыт, а там, на водительском месте, сидел Элиас Винтер. Смотрел на девушку с хищным интересом. Нагло разглядывал, будто хотел запомнить каждую её деталь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.